

Журнал журналов [Zhurnal zhurnalov]. No. 4 [1906]

Sankt-Peterburg: N.P. Malinovskii, [1906]

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/E6TC2EPLWKXZL83>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

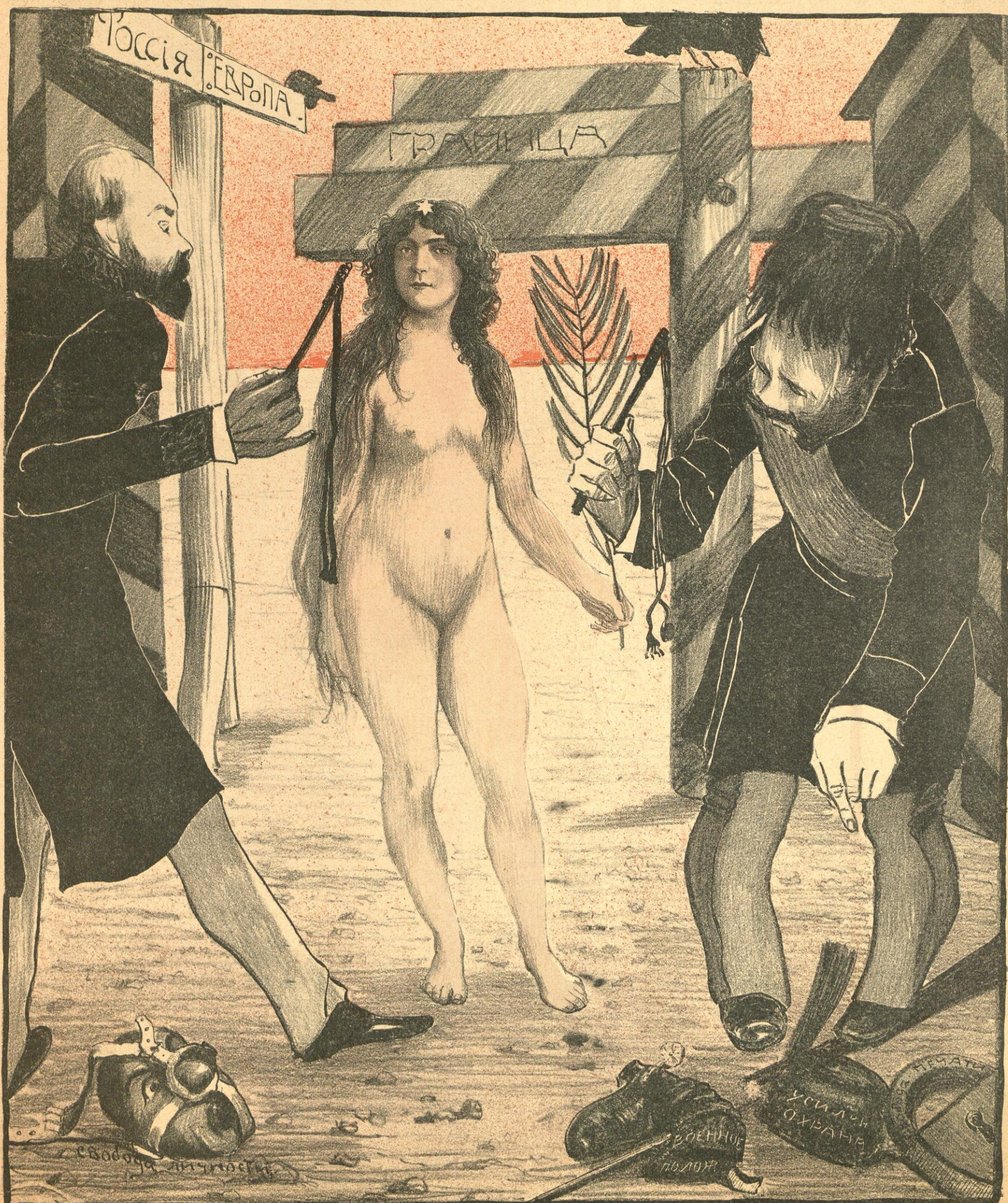
Годъ I.

№ 4.

ЖУРНАЛЪ

Цѣна
10 коп.

ЖУРНАЛОВЪ

1^й часовой:—„Сударыня! Въ Конституція! Въ такомъ видѣ, возможно-ли?.....
2^й часовой:—„Неудно-ли одѣться!!!“.....

Отъ редакціи.

Рукописи и рисунки для „Журнала-Журналовъ“ должны быть съ обозначеніемъ желаемого гонорара и за подписью автора. При неисполненіи перваго условія—размѣръ гонорара опредѣляется Редакціею. Возвратъ рукописей для Редакціи необязателенъ. Рисунки—возвращаются безусловно.

Пѣснь о борцѣ.

Съ дней счастливыхъ нѣжнаго расцвѣта
Онъ стремился съ пользой въ міръ жить,
Правды быть поборникомъ и свѣта,
И любви великой послужить.

Полонъ силъ, онъ съ юношеской страстью
Сталъ мечты свои осуществлять—
И столкнулся въ міръ съ темной властью,
И, борясь, клялся не отступать.

Онъ боролся, годы уходили,
А противникъ грозно все стоялъ...
Съ сожалѣньемъ люди говорили,
Что мечемъ картоннымъ онъ игралъ,

Что одинъ еще не воинъ въ полѣ,
И ему-ль противника сразить,
И что лучше, и въ теплѣ, и въ холѣ,
Безъ борьбы напрасной мирно жить:

„Все равно людей вѣдь не исправишь,
Только силы безъ нужды убьешь:
Какъ вѣдь сильно плетью не ударишь—
Все обуха не перешибешь...“

Но терпѣлъ онъ горе и лишения,
Плохо ѣлъ, ночей не досыпалъ,
И сносилъ обиды, униженья,
Но не дрогнувъ, какъ утесъ стоялъ.

И, какъ левъ, боролся онъ съ врагами.
Съ дѣтскихъ лѣтъ въ душѣ его жила
Вѣра та, что двигаетъ горами
И надежды свѣточъ въ немъ загла.

Исхудалъ онъ, страшно измѣнился,
Много силъ въ борьбѣ онъ потерялъ.
Только вѣрой чудной взоръ свѣтился.
Онъ борьбы со зломъ не оставлялъ.

И ряды противниковъ рѣдѣли...
Но за ними новый рядъ вставалъ.
Но лучи надежды не блѣднѣли:
Свѣточъ яркимъ пламенемъ пылалъ.

И когда былая мощь пропала,
Задрожала слабая рука,
Что неправду грозно поражала,
И была ужъ смерть борца близка—

И тогда, предъ гробовой доскою,
Славнаго поста не оставлялъ,
И дрожащей старческой рукою
На борьбу и трудъ благословлялъ

Онъ другихъ, путемъ его идущихъ,
Братевъ воли твердой и ума,
Правды свѣтъ въ душѣ своей несущихъ.
И бѣжала передъ ними тьма...

И хотя желаннаго расцвѣта
На землѣ и не дождался онъ,
Но душа, надеждою согрѣта,
Ужъ провидѣла вдали иныхъ временъ

Царство правды истинной и вѣчной
И любви на страждущей землѣ...
И вошелъ въ преддверье жизни вѣчной
Онъ съ печатью мира на челѣ...

Послѣдняя побѣда.

Эскизъ.

Мужчины стали хитры и нахальны... Они этими качествами гордятся и хитрѣйшіе пользуются счастьемъ. Женщины, специализировавшіяся на служеніи удовольствію для сильного пола, поголовно красивы; красота ихъ—красота моды: то онѣ полногрудыя и широкобедрыя красавицы Рубенса, то съ тонкими таліями и колеблющейся походкой символиствъ, всегда бьющія на эффектъ, вызывающія къ сладострастію... Каждая изъ нихъ стремится продать себя какъ можно дороже, и красивѣйшія скоро находятъ покупателей. Встрѣчавшееся въ старинныхъ книгахъ слово «любовь» стало непонятнымъ человѣку, посвятившему всю свою жизнь золотому кумиру. Любви нѣтъ въ сожителствѣ мужчины и женщины, какъ нѣтъ ея и въ отношеніи одного человѣка къ другому.

Подъ гнетомъ бѣдности называютъ низшіе слои народа, полные одной только надежды въ пришествіе архичеловѣка, который всѣхъ уравниваетъ, бѣдныхъ сдѣлаетъ богатыми, и раскроетъ тайны неиспытанныхъ наслажденій; тогда невозможное станетъ возможнымъ въ союзѣ неба и земли...

Архичеловѣкъ пришелъ и сотворилъ чудо: онъ далъ людямъ сѣмена хлѣба, которыя и на каменистой почвѣ давали громадный урожай. Патріархъ труда—земледѣліе—пало. На тучныхъ пастбищахъ появились стада чистыхъ животныхъ, не требующихъ за собой ухода, и плодovitость ихъ была громадна, подобно размноженію въ первые дни мірозданія. Пришедшій сказалъ людямъ: «подъ проклятіемъ труда, вы въ потѣ лица добывали свой хлѣбъ; я пришелъ къ вамъ избавителемъ и дамъ пищу въ изобиліи тому, кто поклонится мнѣ». И многое множество ему поклонилось, и голосъ больше не угрожалъ человѣчеству, хлѣбъ насущный былъ вездѣ и не нужно было искать его.

Чудеса продолжались... Казалось, что архичеловѣкъ хотѣлъ избавить людей отъ всѣхъ низменныхъ заботъ.

Онъ отворилъ кладези земли и оттуда потекли расплавленные металлы.

Онъ рѣшилъ задачу вѣчнаго двигателя и промышленность не требовала больше приложенія человѣческой силы. Теперь люди не могли ужъ роптать на то, что потребности тѣла отнимаютъ у нихъ возможность отдаться служенію высшимъ идеаламъ. Но умерла бѣдность и вмѣстѣ иллюзія добрыхъ дѣлъ. Во времена бѣдности желудокъ управлялъ всѣми побужденіями человѣка; онъ возбуждалъ борьбу, около которой группировались возвышенныя или низменныя стремленія. Теперь не было смысла жизни—ни въ трудѣ для поддержанія существованія, такъ какъ для этого всего было въ изобиліи, ни въ области науки, потому что, если прогрессъ ея не былъ миражемъ, то она уже открыла свои законы; ни въ предѣлахъ искусства, такъ какъ жизнь, лишенная идеала личной нравственности и общественной справедливости, стала однообразна.

Человѣчество, лишенное человѣческихъ стремленій, предавалось вакханаліи. Фантазія работала въ направленіи найти что-либо новое, неиспытанное въ этой области. Покровъ ночи былъ слишкомъ непродолжителенъ для безшабашныхъ оргій и днемъ окна были со спущенными шторами, сквозь которые пробивался огонь. Люди прятались отъ солнца, стыдась его свѣта. По городамъ ходили красивые юноши, живущіе на средства стариковъ. Женщины часто уединялись и среди окружающихъ можно было видѣть животныхъ, особенно тщательно оберегаемыхъ. Пресыщалось все и на помощь фантазіи призывались наркотины, благодаря которымъ человѣкъ постепенно переживалъ всѣ стадіи помѣшательства, начиная съ легкаго

маникiального возбужденiя и кончая прогрессивнымъ параличемъ...

Человѣчество вымирало...

Архичеловѣкъ воскресилъ его, провозгласивъ ту истину, что только сильный имѣетъ право жить вѣчно. Когда останутся одни сильные, не будетъ болѣзней и сильнѣйшихъ испугается смерть. «Боритесь», говорилъ онъ: «и освободите землю отъ слабыхъ». Люди, не вѣрившіе въ безсмертіе, боялись уничтоженiя. Они, относившіеся съ презрѣніемъ другъ къ другу, ставившіе выше всего собственное я, нигдѣ не могли найти такого удовлетворенiя, какъ въ уничтоженiи того, кто стоитъ на пути ихъ къ вѣчной жизни. Это чувство было не ново: боязнь равенства всегда таилась въ тайникахъ человѣческаго сознанiя—и теперь оно вылилось въ форму соревнованiя въ уничтоженiи себѣ подобныхъ. И вотъ, когда цѣлымъ рядомъ поступковъ, челоѣкъ челоѣка доводилъ до гибели; когда сраженный умираетъ, мучаясь отъ злобы, изрыгая хулу на весь міръ, съ жадной хотѣ омочить слюной того, кто повергъ его,—тогда побѣдитель чувствовалъ себя сильнымъ и восклицалъ: «ave archihomo».

Все чаще и чаще раздавался этотъ кличъ, знаменуя собою, что кто-то съ проклятiемъ отошелъ въ вѣчность. Желаніе быть сильнѣйшимъ изъ сильныхъ было такъ велико, что сынъ старался уничтожить побѣдителя-отца. Матери видѣли счастье въ томъ, что могли нарушить улыбку ребенка, уничтоживъ его. Гордость не терпѣла равенства, зависть преслѣдовала побѣдителя. Только архичеловѣкъ, когда-то свергнутый Все-могущимъ съ высоты неба на землю, гдѣ онъ царилъ теперь нераздѣльно, не участвовалъ въ борьбѣ. Правда, среди множества поклонниковъ архичеловѣка были послѣдователи другого ученiя, проповѣдывавшіе отреченіе отъ собственного я и считавшіе богатства міра не настолько нужными, чтобы примѣняться къ землѣ, но и этихъ людей стремился архичеловѣкъ обратить на путь истины, признанной остальнымъ челоѣчествомъ. Рѣчи владыки земли звучали непреложностью: «И развѣ вы не вѣрите», говорилъ онъ: «что побѣдить можетъ только достойнѣйшій, а то гдѣ же справедливость, которую вы проповѣдуете. Вы сами говорите, что созданы по образу и подобию Бога, а развѣ Ему не сродно могущество, которому свойственно побѣждать; побѣждайте—и вы приблизитесь къ Нему». Многіе увѣровали, но оставшіеся непреклонными не признавали, что зло можетъ породить добро и что къ возвышенной цѣли могутъ привести низменные средства. Они видѣли несчастье челоѣчества въ томъ, что даже для блага большинства каждый жертвовалъ не собою, а счастьемъ другого, т. е. распоряжался тѣмъ, что ему не принадлежало. Что тѣ, которые боролись со зломъ, впадали въ тотъ же грѣхъ, противопоставляя злу зло. Они ужасались умерщвленію духа ради праха. Плоть—прахъ породила себялюбіе и дѣти ея—неравенство и бѣдность, а отъ нихъ произошли зависть, злоба и ненависть. Когда раздавался побѣдный кличъ: «ave archihomo», то къ повергнутому стремился одинъ изъ братьевъ и старался облегчить страданiя павшаго надеждой въ переходъ въ лучшую, полную справедливости, загробную жизнь. На ихъ слова отвѣчали проклятiями, ихъ даже считали виновниками своего несчастья, а справедливость въ загробной жизни казалась умирающему чѣмъ-то страшнымъ, какъ всепожирающій огонь, разлившійся по вселенной. Остальные люди презирали ихъ и смиреніе ихъ считали скотскимъ.

Слабѣйшіе пали и царствіе отъ міра сего должно было быть близко. Но смерть попрежнему царилъ надъ міромъ, никого не забывая и никогда не опаздывая: отъ нея дыханiя падали побѣдители и побѣжденные. Челоѣчество жаждало безсмертія и обращало свои взоры къ архичеловѣку,—онъ же повторялъ: «освободите землю отъ слабыхъ: побѣдители вѣчны». И люди со злобой искали тѣхъ, кто могъ бы быть виновникомъ ихъ тлѣности, и взглядъ ихъ упалъ на этихъ не стремящихся побѣждать, не участвующихъ въ состязанiи и желавшихъ оставаться слабѣйшими. Какъ океанъ, выступившій изъ береговъ, ринулся бы на землю, такъ злоба челоѣчества ополчилась на немногихъ: проповѣдующихъ всепрощеніе, и началось уничтоженіе ихъ, подобно уничтоженію сухого ковыля огнемъ степного пожара. Злоба не могла удо-

вольствоваться уничтоженіемъ и вылилась въ причиненіи мукъ избиваемымъ и въ поношеніи того, въ кого они вѣровали. Ужасъ поражалъ побѣдителей, когда, вмѣсто проклятiя, слышали они скорбь избиваемыхъ не объ отнятой жизни, а о погибшей душѣ сильныхъ и гордыхъ во плоти. И чувствовали послѣдователи архичеловѣка томленіе духа, зарождалась въ нихъ жалость къ этимъ непонятнымъ имъ людямъ, и колебалось ихъ сознаніе о томъ, что привыкли считать они счастьемъ. Любовь избиваемыхъ готовилась стать матерью и мучалась въ мукахъ рожденiя. Тогда напомнилъ архичеловѣкъ, облеченный властью земли, послѣдователямъ своимъ, что они суть дѣти плоти, происшедшія изъ земли. Смирились тогда признавшіе власть его, свершивъ дѣло свое до конца, уничтоживъ на землѣ любовь. Такъ было предначертано ранѣе мірозданiя и не было для плоти много пути. Но все же, избивая сохранившихъ сильными души, побѣдители восклицали: «горе намъ» хотя и радовалась плоть своей побѣдѣ.

Возмутилась природа и вселенная, увидѣвъ, что повернута любовь, вызвавшая ихъ изъ хаоса, что поругана справедливость, управлявшая міромъ. Солнце померкло, воды выступили изъ береговъ, рушились горы; вся земля вострепетала отъ множества грѣховъ, которые ее покрыли, и жаждала уничтоженiя. Вотъ раскрылись гробницы и вышли всѣ прежде скончавшіеся и среди нихъ отдавшіе жизнь свою за другихъ. Эти свидѣтельствовали о любви и прощали сотворившихъ имъ злое и давшимъ имъ возможность испытать горе. И не могъ архичеловѣкъ противопоставить злобу свою прощенію. Онъ погибъ, побѣжденный правдою, а съ нимъ и злоба. Земля, освободившаяся отъ грѣха и смерти, слилась съ небомъ. Сбылись слова архичеловѣка: «побѣдители вѣчны».

Н. Малиновскій.

Дорогу жизни молодой...

Дубъ-исполинь съ прогнившей сердцевиной,
Съ изсушенной листвою, порывомъ бури палъ;
Надъ зеленѣющей чарующей долиной
Онъ гнилъ и умиралъ...

Онъ гнилъ и умиралъ подъ знойными лучами
И подъ собой давилъ, какъ исполинскій пресъ,
Побѣги новыхъ силъ: съ зелеными кудрями
Малютку-лѣсъ.

Не задавить ему побѣговъ жизни новой,
Дубъ спрѣтеть и сгнѣтеть, вѣтеръ какъ рукой
Смететъ истлѣвшій прахъ съ рѣшимостью суровой!
Дорогу жизни молодой!

А. К.

Изъ дневника.

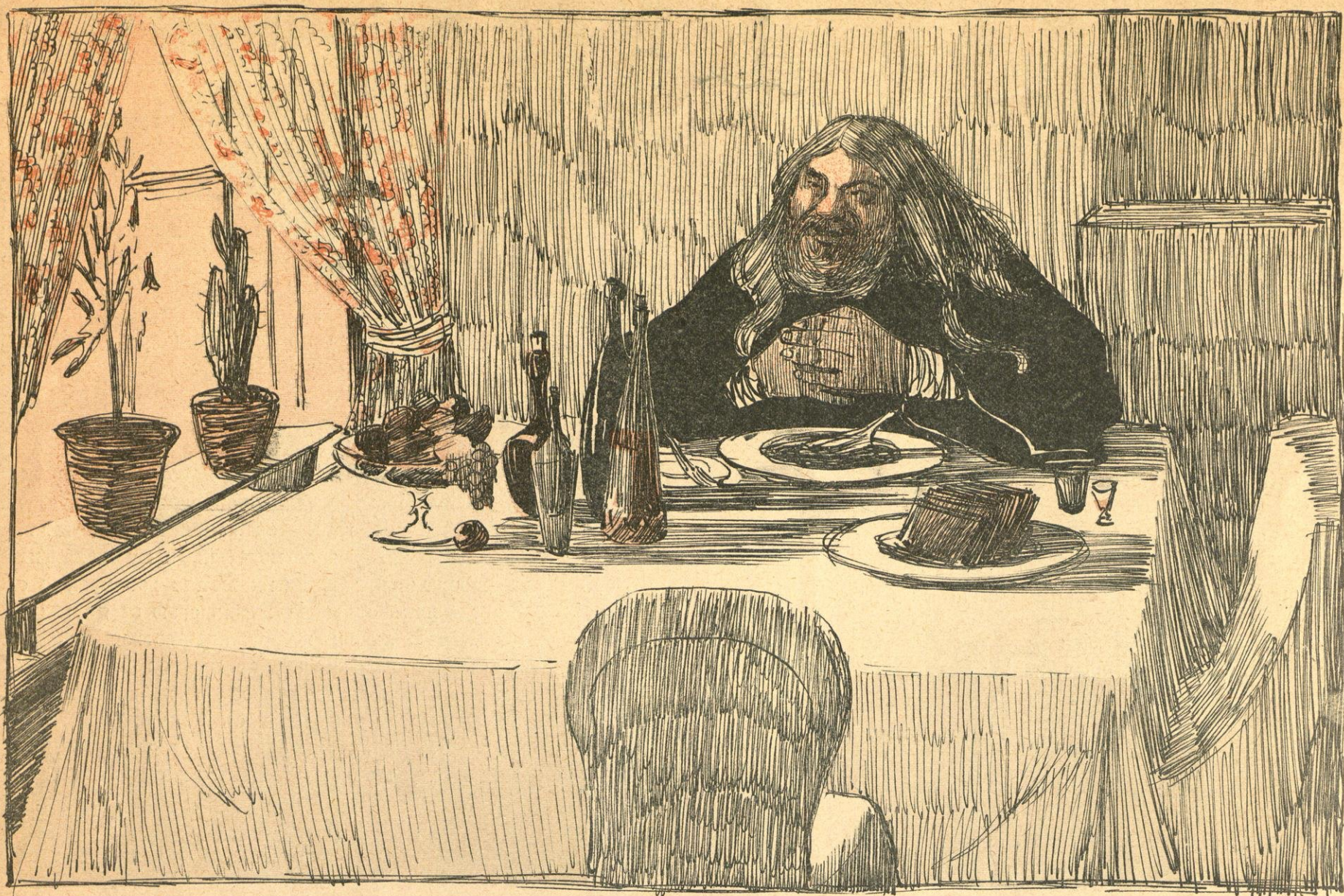
На землѣ неправдѣ путь вездѣ свободный,
Всюду ей поклоны, ей у всѣхъ почетъ,
Только честный, мудрый мужъ и благородный
Горькую неправдѣ правду предпочтетъ.

Потому-то правды не видать на свѣтѣ.
Поищи, попробуй—не найдешь съ огнемъ:
Старцы, жены, дѣвы, маленькія дѣти,—
Торнымъ и неправымъ всѣ идутъ путемъ.

Правда, справедливость—у людей въ загонѣ—
Лишняя обуза!—жить безъ нихъ вольнѣй;
Ихъ обходятъ какъ-то даже и въ законѣ:
Въ этомъ мірѣ правы тѣ, кто посиленѣй.

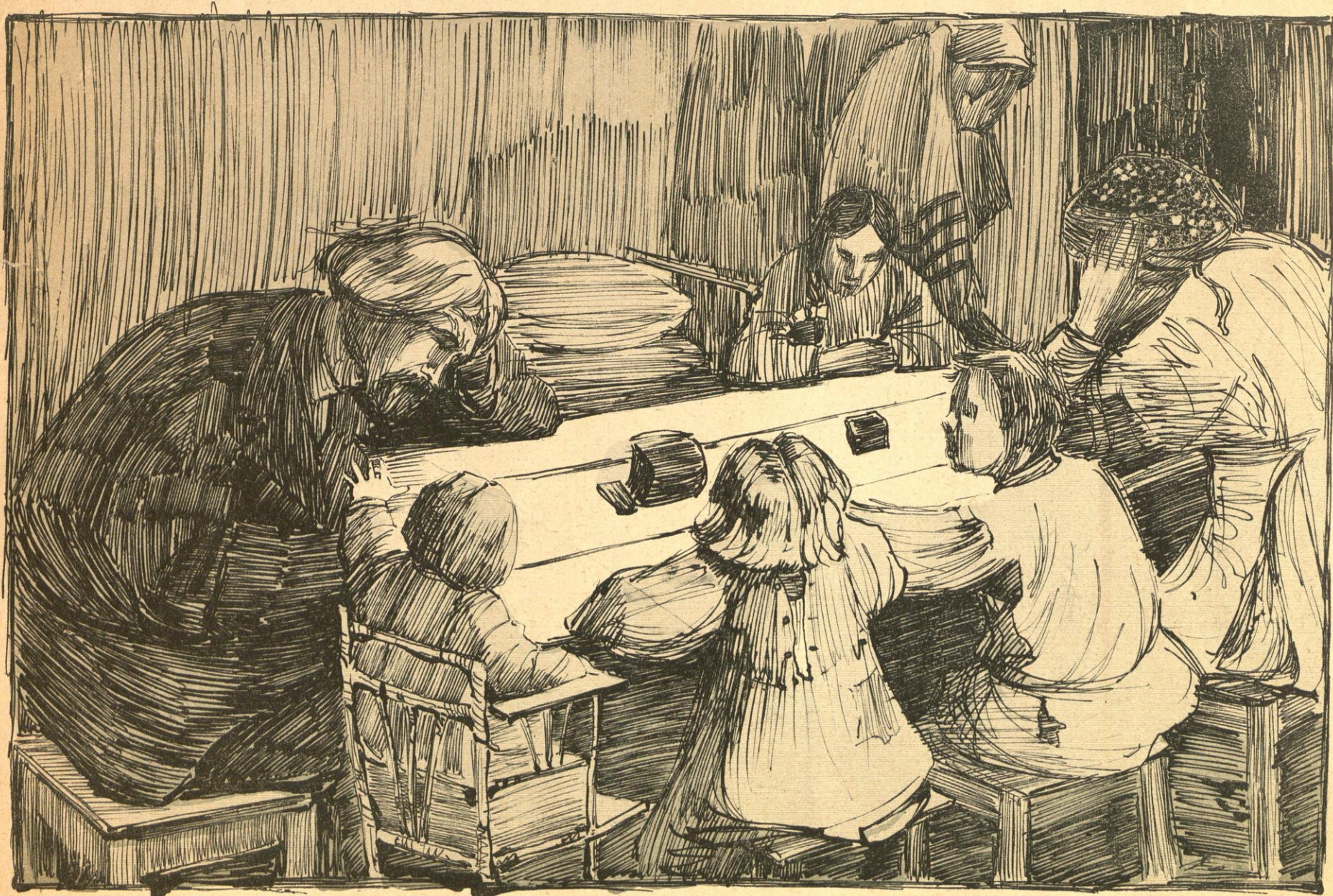
Честь, любовь живая людямъ неизвѣстны;
Совѣсти великой въ братьяхъ не видать...
Что за счастье-бъ было, что за день чудесный,
Если бы узнали люди ихъ опять!..

П. М.

СВЯТОЙ ПОДВИЖНИКЪ.

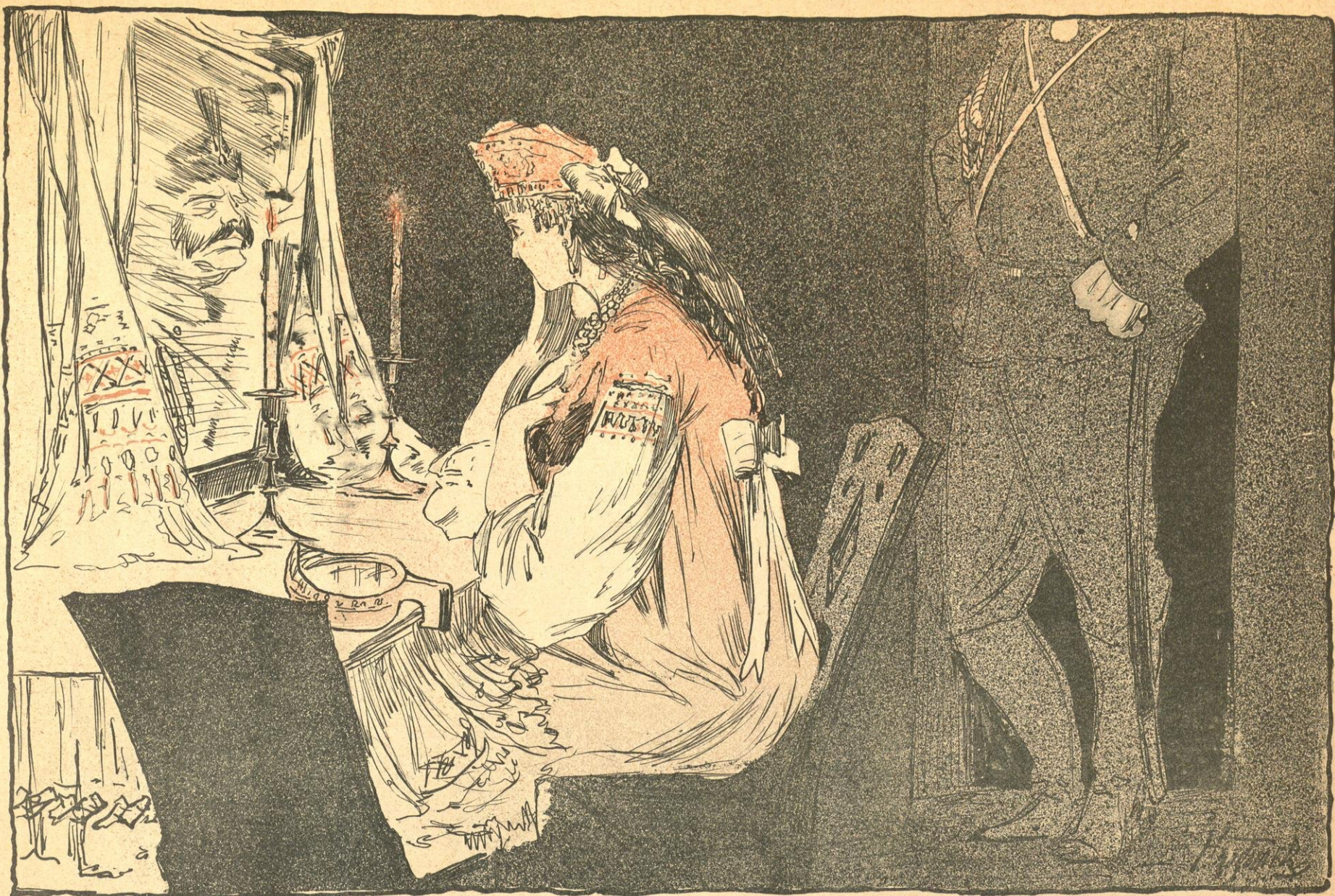
Б. М. М. М.

Тема И. З. на.

ИЗБАЛОВАННЫЙ ПРОЛЕТАРІЙ.

Б. М. М. М.

Т. Г. Е.

Россия: — „КТО-ТО МОЙ СУЖЕНЫЙ?“.....

Т. Г. Е.

„НАПРАВЛЕНІЕ“ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ.....

Страхишки забытой лирики.

ОТВѢТЪ.

Ты спросила меня, не тебѣ: ли звучалъ
Тонъ презрѣнья въ моихъ предыдущихъ строкахъ
Я отвѣтить хотѣлъ..... И невольно молчалъ
И въ глазахъ твоихъ темныхъ мнѣ чудился страхъ...

Страхъ... За то-ли, чтобъ „да“ не сразило тебя,
Иль страшилася ты за возможное „нѣтъ“,—
Я не знаю.... Но я изстрадался, скорбя,
Вырвалъ съ кровью души на вопросъ твой—отвѣтъ.

Дорогая моя! Было время, когда—
Другъ предъ другомъ таить мы не станемъ грѣховъ—
Я лишь прозу къ тебѣ обращалъ, но тогда
Наша проза была поэтичнѣй стиховъ...

Помнишь роскошь тѣхъ дней, когда нашу любовь
Отъ себя отъ самихъ мы стремились скрывать?
Помнишь первый тотъ мигъ, что сроднилъ нашу кровь?
Но... не станемъ мечту, что ушла, вызывать.

Какъ сгорѣвшій костеръ потухаетъ она...
Кто виною тому—пусть разсудитъ насъ Богъ...
Но... въ вопросѣ твоёмъ была чувства волна
И отвѣта не дать и молчать—я не могъ.

Дорогая моя! Хочешь правду ты знать?
Ты узнаешь ее—я не лгалъ никогда,
На вопросъ: не тебя-ль я клялся презирать
Въ моихъ прошлыхъ стихахъ—отвѣчаю я: „да!“

Но сейчасъ, среди ночи, въ душевной борьбѣ,
Одержали побѣду бывые года
И я счастья хочу, только счастья тебѣ
И люблю тебя вновь, такъ... какъ помнишь тогда?....

Григорій Е.

20 Янв. 1906 г.

Разстаемся мы. Судьбою
Это рѣшено.
Рокъ порвалъ межъ насъ съ тобою
Близости звено....
Ты уѣдешь... Мы забудемъ
Навсегда о немъ,
Но.... пока, пусть жить мы будемъ
Настоящимъ днемъ...
Другомъ будетъ намъ безпечность,
Ты придешь ко мнѣ
И для насъ сольется вѣчность
Въ этомъ краткомъ днѣ...
Намъ дворецъ на мигъ замѣнитъ
Скромный мой шалашъ...
Завтра—пусть все рокъ измѣнитъ—
Мигъ да будетъ нашъ...
Я головку дорогую
Спрячу на груди,
Заласкаю, зацѣлюю....
Ты придешь?... Приди!

Г.

Сказочка.

Жили на свѣтѣ два богатыря, — Произволь и Анархія.
Сильно не любили они другъ друга—терпѣть не могли. А межъ
тѣмъ посмотрѣть на нихъ—куда какъ похожи одинъ на другого:
еще снаружи не такъ замѣтно, а выверни на изнанку—какъ
двѣ водяныя капли. Впрочемъ, это не важно...

Была у богатырей и причина не любить другъ друга и
очень простая. Дѣло въ томъ, что и тому и другому изъ

нихъ крѣпко хотѣлось сѣсть царемъ надъ народомъ страны.
гдѣ оба богатыря жили... Да не такимъ царемъ, чтобы на
часть, какъ калифы бываютъ, а накрѣпко чтобы, навѣки... Вотъ
и начали богатыри бороться.

У обоихъ богатырей чудесныя свойства были. Произволь,
какъ захочетъ, такую возлѣ себя стужу навѣтетъ, что слово
человѣческое, вылетѣвъ изъ устъ,—замерзаетъ... въ льдинку!..
А ужъ о прочемъ и говорить нечего: — одна сплошная со-
сулька.

У Анархія—наоборотъ: совсѣмъ другое свойство волшеб-
ное было. Какъ только пожелаетъ,—все вокругъ нестерпи-
мымъ жаромъ—огнемъ выжжетъ, спалитъ... И косточекъ не
останется... Пустыня...

Вотъ и почали богатыри борьбу за царство надъ наро-
домъ... Съ одной стороны—Произволь давить—душить, въ
лѣдъ всю жизнь обращаетъ, съ другой—Анархія—огнемъ
палитъ, а пепла не даетъ... Сухить—выжигаетъ, всякую
жизнь ничтожить... Плохо пришлось бѣдному народу—какъ
въ котлѣ варится... Трупъ за трупомъ, покойникъ за покой-
никомъ... Жутко... Страшно... И выходу—просвѣту не видно...
Совсѣмъ плохо... Кого тутъ въ царя возьмешь? Нашелся, од-
нако, святой провидецъ. Онъ на все это легкій отвѣтъ на-
шелъ! «Кто, говоритъ, васъ обижаетъ?—Анархія? Произволь?»
И тотъ—молъ и этотъ... Оба хуже!..

«А коли такъ, говоритъ, то на кой чортъ, вамъ ихъ въ
цари выбирать. Гоните—молъ—обоихъ въ шею!» Такъ и
сдѣлали.

И хорошо вышло.

Грифъ.

Изъ чужого дневника.

Въ мірѣ дорожилъ я истиной одною,
Безпощаднымъ словомъ произволь громилъ,
И ни разу я не покривилъ душою,
И отважно сильнымъ правду говорилъ.

И друзья и братья мною восхищались,
Величали громко: „Честный гражданинъ!“,
Но восторги эти... тайно выражались,
И на полѣ брани я стоялъ одинъ.

Путь презрѣвъ окольный, шелъ я къ цѣли прямо
И не разъ за эту прямоту страдалъ,
Но впередъ, но дальше шелъ опять упрямо...
На пути я часто зябъ и голодалъ.

Только, слава Богу, люди есть на свѣтѣ!—
Кто мнѣ хлѣбца сунетъ, кто мнѣ дастъ пріютъ;
Рады еще гостю, рады словно дѣти,
И со мной бесѣды долгія ведутъ...

И печаль жестоко душу мнѣ терзала:
Какъ просты ихъ рѣчи, ясенъ взглядъ очей!—
Ярко, безпощадно память рисовала
Хитрыхъ, осторожныхъ, тайныхъ лишь друзей.

На ухо они лишь правду говорили,
Но за то такъ громко не боялись лгать,
Сильному искусно, незамѣтно льстили,
Не стыдились руку палачамъ давать...

Два врага смертельныхъ разъ въ бою столкнулись,—
И опалой сильныхъ былъ наказанъ я.
И друзья и братья разомъ отшатнулись:
— „Мы тебя не знаемъ!“ — О, друзья, друзья!..

М.

АФОРИЗМЪ.

Первая забастовка была подвигомъ, вторая—пре-
ступленіемъ, третья—глупостью.

А. К.

Отъ нашего спеціального декадента.

...И жиге все сгущались тучи
И громъ все громче умолкалъ
И слабымъ свѣтомъ лучъ могучій
Во мракѣ огненномъ сверкалъ...
Ты въ горѣ, радостно сидѣла
На поблѣднѣвшихъ берегахъ,
И громкій гимнъ беззвучно пѣла
О жаромъ пышащихъ снѣгахъ.
И въ пѣснѣ той слились въ лобзаны
Холодный жаръ и жаркій хладъ,
И въ блѣдномъ неба содраганьи
Я видѣлъ дьявольскій Каскадъ;
Я простиралъ беззвучно руки,
Чтобъ преступить запретный мостъ
И рушить мыслью ядъ разлуки,
Поймавши дьявола за хвостъ.
Я утиралъ потоки пота
И къ адской цѣли близокъ былъ.
Какъ вдругъ изъ хлябей неба кто-то
Мнѣ чѣмъ-то голову облилъ.
И смрада высшаго отрады
Впивалъ я жадно въ вѣчный мигъ
Я рушилъ знанія преграды
И тайны вѣчности постигъ.

По Бальмонту.

Часть компилятивная.

Пѣснь карбохаровъ.

Помнишь: всю ночь барабаны
Глухо стучали вдали.
Кровью дышали туманы,
Слезы пьемонтской земли...

Помнишь, какъ, полонъ укора,
Мѣсяцъ кровавый вставалъ,
Тихо на мѣсто позора
Колоколъ скорбный сзывалъ.

Площадь... Смятенъ въ народѣ...
Ропотъ... Былъ гнѣвенъ народъ...
Помни, товарищъ: свободѣ
Строили тамъ эшафотъ.

Вотъ топоры застучали—
Словно вонзались намъ въ грудь,
Факелы мрачно сверкали...
О, не забудь, не забудь!

Тихо... замолкли удары,
Голосъ раздался изъ тьмы:

Вотъ они, вотъ карбохары,
Скрипнули двери тюрьмы.

Было ихъ трое: мужчина,
Мальчикъ и старецъ сѣдой.
Молча ждала гильотина,
Старецъ качалъ головой...

Съ ними капралы шагали,
Стали кругомъ въ два ряда.
Помнишь, какъ цѣпи стонали,
О, не забудь никогда!..

Блѣдный священникъ съ испугомъ
Имя шепталъ имъ Христа...
Кончилъ... Они другъ за другомъ
Тихо взошли на мѣста...

Лязгнула сталь гильотины,
Вздрогнувъ, толпа замерла...
Старца густыя сѣдины
Кровь, какъ ручьемъ, облила...

И, обратившись къ народу,
Голову поднялъ палачъ.
„Вотъ вашъ борецъ за свободу!“
Помнишь ты... плачь?..

Былъ онъ тревожный и странный,
Плачь безъ рыданій, безъ словъ.
Тамъ старики ветераны
Слезы роняли съ усовъ.

Плакали женщины, дѣти...
Быстро работалъ топоръ...
Слезы жестокия эти
Мы не забудемъ съ тѣхъ поръ.

Встанутъ бойцы за отчизну,
Рабскія цѣпи сорвутъ
И въ безпощадную тризну
Австрію кровью зальютъ...

Вспомнятъ Пьемонта вершины,
Вспомнятъ верхи Аппенинъ,
Страшную ночь гильотины.
Встанутъ бойцы, какъ одинъ.

Скажутъ: довольно, тираны,
Слезъ вамъ пьемонтской земли...
Слышите: чу, барабаны
Грозно рокочутъ вдали.

Въ бой, карбохары, безъ страха.
Жаждетъ свободы народъ—
Смѣло—изъ вашего праха
Сѣмя свободы взойдетъ!..

Т. Ардовъ.

„Декабристы.“

ЗАГАДКИ.

I

Стоитъ величественный домъ
На хитромъ основаньи,
Но мы въ него не попадемъ
При всемъ своемъ желаньи.

По непостижимымъ чертежамъ
Исполнено строенье,
Но въ залъ не собратъся намъ
До свѣтопреставленья.
Всякъ званъ туда: мужикъ, купецъ,
Интеллигентъ, рабочій,—
Но безъ дверей воздвигъ дворецъ
Его лукавый зодчій.

II.

Онъ заведетъ тебя далеко,
А самъ ни съ мѣста никуда.
Солжетъ съ достоинствомъ пророка

И опровергнетъ безъ труда.
Изобразить себя мессіей
У нѣмца денегъ призаиметь,
И надъ поруганной Россіей
Экспериментъ произведетъ.
То приласкаетъ, то слукавитъ,
А если ты его постигъ—
Онъ „положеніе“ объявитъ
И „братцевъ“ разстрѣляетъ вмигъ.
Подъ Шиллера Квакъ.
„Спрутъ“

Некрасовскіе мотивы.

Думы вы, думы, мрачнѣе могилы...
Нѣтъ, отогнать васъ нельзя.
Родина бѣдная, темныя силы
Снова объяли тебя.
Вновь ты кровавыми плачешь сле-

зами,
Снова спокойными смотришь очами
Смерти несътой въ глаза.
Снова сыновъ твоихъ смѣлыхъ хо-

ронишь,
Павшихъ за счастье твое.
Гдѣ же, о гдѣ же предѣлъ испы-
таніямъ,
Гдѣ же конецъ твоимъ вѣчнымъ
страданіямъ!

Кровью ты вся изошла.
Долго-ль носить тебѣ цѣпи позор-
ныя,
Долго-ль враги твои, вороны черныя
Будутъ еще пировать.
Скоро-ль воспрянешъ ты мощи
исполнена!

Чаша терпѣнья давно переполнена,
День отомщенья насталъ.
„Стр. Мечты“ Мечтатель.

ДРУЖЕСКІЯ ПАРОДИИ.

I.

Скиталецъ.

Я колоколъ! Я пламя! Я тиранъ!
Безбреженъ я и грозенъ, точно море!
Я твердый дубъ! Я мѣдный исту-
канъ!

Я барабанъ въ литературномъ хорѣ!
Я вихрь и градъ! Я молнія и страхъ!
Дрожите же, наперсники тирановъ!
Я утоплю васъ всѣхъ въ моихъ сти-
хахъ,

Какъ въ лужѣ горсть презрѣнныхъ
таракановъ!
„Жупель“ А. Купринъ.

Отв. Редакторъ Н. П. Малиновскій.
За Издателя Н. П. Малиновскій.

„ЖУРНАЛЪ-ЖУРНАЛОВЪ“

Роскошно иллюстрированный, въ 3—4 краски, выхо-
дитъ еженедѣльно, въ объемѣ 8—16 стр. in quarto.
Программа—литературная и художественная иллю-
страція всего выдающагося въ общественной и по-
литической жизни. Богатый оригинальный отдѣлъ.
Собствен. художники и каррикатуристы. **Обзоръ и**
выдержки всего выдающагося изъ сатирич. и
др. газ. и журн. Цѣны: на годъ 3 р., 6 м. 1 р. 75 к.,
3 м. 1 р. Отд. №№ 10 коп.

Кромѣ Гл. Конт, принимаютъ подписку контора Метцль и кіоски Пташкова.

Объявленія

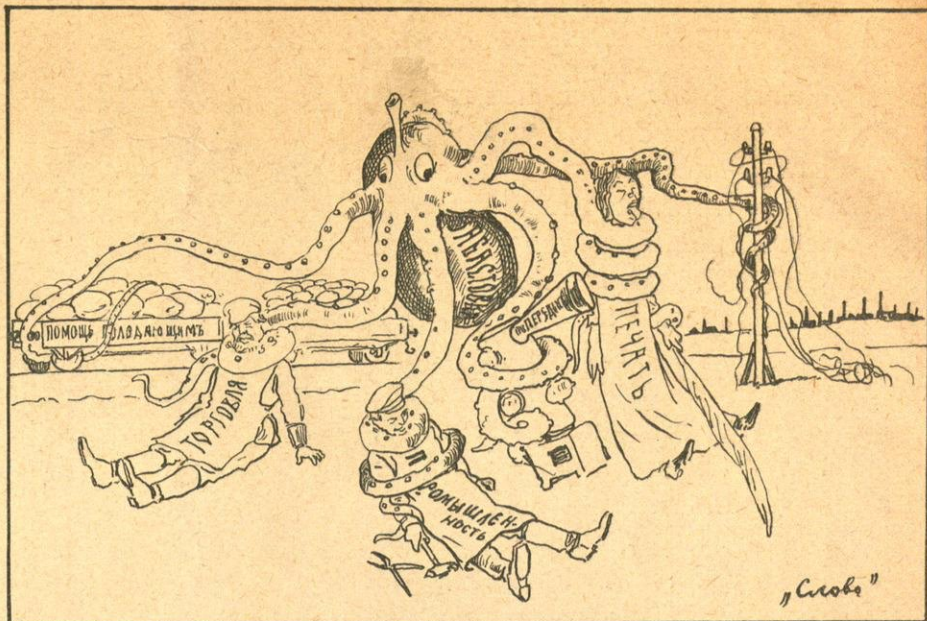
въ „Журналъ-Журналовъ“ принимаются по цѣнѣ:
за 1 страницу 130 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 70 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 40 руб.
За строку 50 коп. Оптомъ большіе 0%.

Адресъ Конторы и Редакціи: Спб., Большая Спасская ул., д. № 25.

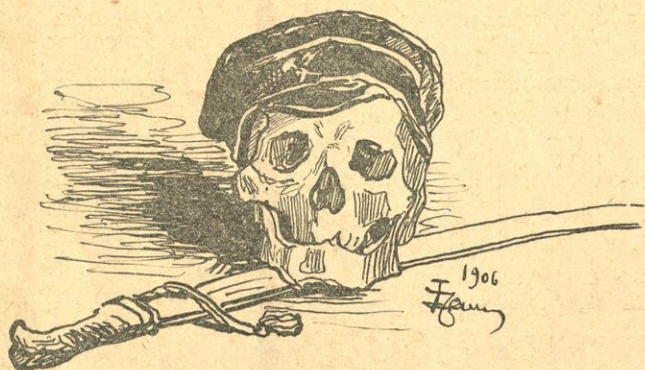
СОДЕРЖАНІЕ № 4:

- 1) На границѣ—рис. соб. худ. И. Д—ва.
- 2) Пѣсня о борцѣ—стихотв. М.
- 3) Последняя побѣда—эскизъ Н. Малиновскаго.
- 4) Дорогу жизни молодой...—стихотв. А. К.
- 5) Изъ дневника...—стихотв. П. М.
- 6) Отвѣтъ...—стихотв. Григорія Е.
- 7) Сказочка...—Грифа.
- 8) Изъ чужого дневника...—стихотв. П. М.
- 9) Афоризмъ...—А. К.
- 10) Отъ нашего спец. декадента...—пародія-шутка.
- 11) Часть компилятивная.
- 12) Рисунки соб. худ. гг. Костылева и Бѣломорскаго.
- 13) Объявленія.

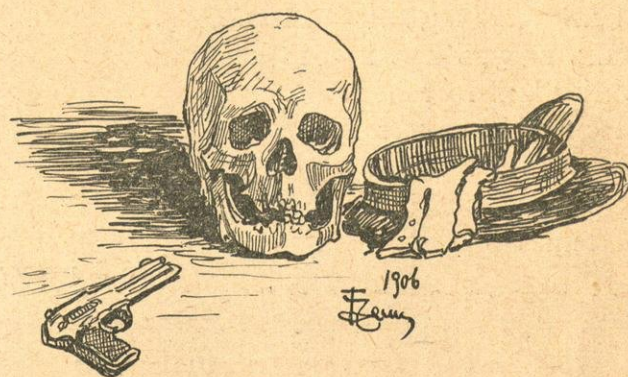
„Сѣверная Печатня“. С.-Петербургъ, Милліонная 12.

Безобразное чудовище, парализующее всякую свободу.

Что осталось от одного моего товарища, который пошел туда, где пили марсельезу.

"Взруть"

Что осталось от другого моего товарища, который пошел туда, где играли народный гимн.

Ну, тащися, Сивка!.....